Василий Игнатьевич (2)

Было, братцы, во городе Киеве
У князя Владимира,
У солнышка, у Числаева (Лучислаева)
Пированье, столованье почетное,
Хвально и радостно.
Они пьют, едят, прохлаждаются,
За собой погибели не знают и не ведают,
Что над Киевом градом за погибель,
Ин подступила сила жидовская и бусурманская
И подступил собака Батый Каманович
Со сыном со Артусом и со зятем со Гончуком.
Он и пишет князю Киевскому: «дай мне поединку,
А не дашь, то я в Киев-город войду
И честны монастыри пожгу,
А чернь порублю,
А тебя князя в полон возьму,
Опраксу королевишну дам на срам и поруганье.»
Тогда князь Киевский созывал князей и бояр,
Чиновных людей и сильных могучих богатырей.
Тогда они в полсыта наедалися
И между себя похвалялися.
Тогда князь Киевский был в своей комнате.
И выходит он, становится средь горницы
И говорит речи: «Ой, еси вы, князья-бояре
И честные люди, и могучие богатыри!
Как бы кто из вас вышел против собаки
Батыя Камановича?» Тогда никто не отвечает,
Старый прячется за малого,
А малый за старого.
Только средь торгу, ярмарки,
На государевом кружале
Валяется пьян Василий Игнатьевич, валяется, -
Он такими речами похваляется:
«Я де бы послужил царю Киевскому верою и правдою!»
Тогда царь Киевский посылал посла,

Приходит к нему посол
И говорит: «пьян Василий Игнатьевич!
Царь бажает тебя пред себя».
И отвечал он послу:
«Что глуп царь и неразумен:
Я наг и бос, как могу пред царя идти?»
Тогда приходит посол,
Спрашивает его царь:
«Что не привел пьяна Василия Игнатьевича?»
Тогда отвечал ему посол,
Что, ваше высочество, он вас изругал,
Что глуп царь и неразумен:
«Я наг и бос, как могу пред царя идти!»
Тогда царь Киевский
Не посла посылал,
Но сам побежал,
Скидал с себя шубу соболиную,
И шапочку миткалинную,
И сапожки сафьянные,
И штаники кумашные со напусками,
И надевал на пьяна Василья Игнатьевича,
И взял его за белы руки,
И повел его в свои палаты белокаменны,
И внес ему полведра пива пьяного,
Полведра меду сладкого,
Да полведра зеленого вина.
Добрый молодец стростил в одно место
И выпил за единый дух.
Тогда стал поговаривать:
«Ой, еси ты, князь Киевский,
Внеси-ка ты мне три стрелочки нестрелянных
И тугой лук нетянутый!»
Тогда взял добрый молодец
И пошел на высоку стрем:
Из первой-то стрелочки стрелил,
Да не дострелил.
А из другой-то стрелил,
Да перестрелил,
А из третей-то стрелил,

Да убил зятя Гончука –
Тогда сквозь его стрела та пошла,
Да в камень так по уши ушла.
Тогда собака Батый Каманович
Со всей своей силой выдергивал,
Да не выдернул.
И пишет грозно царю Киевскому:
«Ой, еси, князь Киевский!
Выдай мне виноватого,
А не выдашь, так я в Киев град взойду
И честны монастыри пожгу,
А чернь порублю,
А тебя князя в полон возьму,
Опраксу королевишну дам на срам, на поруганье».
Тогда князь Киевский созывал всех князей и бояр,
И могучих богатырей.
И говорил царь Киевский:
«Что нам за пьяна Василия Игнатьевича
Стоять, или выдать его?»
Тогда князья, бояре отвечали:
«Что нам за него стоять,
Он его только что собаку раздразнил!»
Тогда услышал пьян Василий Игнатьевич
И пошел сам во чисто поле,
Тогда встречал его
Собака Батый Каманович и говорил:
«Ты ль виноватый?»
Он ему сказал: «Я».
И повел он его к стреле
И говорит: «Твоя ль стрела?»
Он сказал: «Моя».
«Нут-ка выдернешь ли ее?»
Он взял меж перстиков и выдернул.
Тогда собака Батый Каманович просил его:
«Добрый молодец! Послужи мне верою и правдою,
Как служил князю Киевскому!»
Тогда добрый молодец сказал:
«Пожалуй, только сделаем уговор:
Я тебя введу в Киев град на три часа,

Бей князей, бояр, а до черни дела нет,
А на княжеский двор и не гляди».
Тогда подошел добрый молодец
К каменной стене и пехнул правым чоботом,
И повалила сила жидовская и басурманская
В Киев град.
Тогда добрый молодец стал у княжеского двора;
Кто сунется во двор, он ему голову прочь.
Тогда три часа проходят –
Собака Батый Каманович из города не выходит.
Тогда добрый молодец сел на добра коня
И начал по улицам ездить
И басурманскую силу бить.
Как где он едет, там ровно улицу делает,
А поворотится, так площадь.
Тогда собака Батый Каманович видит,
Что его силу побивает,
И вышел из Киева града,
И вынес имения видимо и невидимо,
И делит на три груды:
Себе груду, да сыну груду,
Да зятю мертвому груду.
Тогда говорил ему сын:
«Кому, батюшка, третья груда?»
Он говорит, что зятю.
«Да на что мертвому-то?
Лучше бы тому, кто нас в Киев ввел».
Он ему говорил: «Э, дурак!
Кабы я того человека увидел,
Я бы его мяса наелся».
Тогда он, пьян, лежал под повозкой
И услышал эти речи,
И взял из-под повозки-то ось
И взял их остальных всех перебил,
И досталось ему все их имение.

Записал священник М. Малинин в селе Папине Нижегородской губернии Горбатовского уезда (из записей 40-х, 50-х и 60-х гг.) «Живая старина» в. I. 1906 г. Отд. II, стр. 1.